

БОРИС ИВАНОВИЧ ФОМИНЫХ. ЭТО ЛЮБОВЬ

Все начинается с любви...

Р. Рождественский

...Бывают дни, сотканые из одних запахов, словно весь мир можно втянуть носом, как воздух: вдохнуть и выдохнуть. Хорошо при случае послушать тишину, потому что тогда удается услышать, как носится в воздухе пыльца полевых цветов...

Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков

Борис Иванович, с чего же все началось?

Ну, конечно, всех нас, как писал Пушкин, подстерегает случай. А случай такой: во время войны в нашем далеком сибирском городке в эвакуации были ленинградцы, среди них учителя. И была очень интересная женщина, преподававшая русский язык и литературу. Это был уже седьмой, по-моему, класс, когда я услышал ее рассказ – анализ какого-то произведения Тургенева: она не просто рассказывала, какая там композиция, какая мысль – она показывала изобразительные средства языка. Я почувствовал, что, оказывается, есть слово. Вот серьезно, – в то время. Слово... И она нас вела очень долго – до 10-го класса, потом уехала, вернулась домой, в Ленинград. Вот это был толчок. А самое главное было дальше. Вот этот самый Рэй Брэдбери, который как-то сказал – помните, я вам как-то рассказывал – что такое жизнь? Жизнь – это подарок. За всякий подарок надо благодарить либо его отрабатывать...

Вы – отработываете!

Вот уже 77-й год подряд я отрабатываю русское слово. Во всех ситуациях, во всех его значениях, во всех его сочетаниях, во всех текстах. Вся моя жизнь посвящена слову. Вот эта счастливая дорога, она оказалась для меня такой филологической мечтой, которую я 76 лет реализовывал. Конечно, было всякое...

Я не собирался быть учителем, но, поскольку годы были тяжелые, я поступил в близкий Тюменский пединститут, где было очень много эвакуированных преподавателей – профессора из Москвы, Казани, Киева, из других городов. Состав кафедры русского языка, как и кафедры литературы, был очень сильным. Удивительно, что факультет был историко-филологическим, а не филологическим. Нагрузка очень большая: занятия 6 дней в неделю по 6–8 часов.

Тюмень. Студент I курса. Общежитие

Редактор газеты «Словесник». 1949

Студент. Тюмень, 1951

Тюмень. III курс. 1951

Было все очень серьезно. Глубоко! К тому же как-то удивительно – казалось бы, провинциальный вуз, – но была устроена самостоятельная работа студентов. В этом педагогическом институте когда-то было реальное училище. В этом реальном училище преподавали не только предметы технического направления, но и гуманитарные тоже. В нем, кстати, учился Пришвин, это было до революции. И к чему я это говорю? К тому, что там была прекрасная библиотека. Даже выписывались журналы, один из

которых назывался «Сердце народного просвещения». Это уникальный журнал, издававшийся с XIX в. Там помещались теоретические, методические, художественные статьи по разным наукам. И вот нам давали задание – работать с этим журналом. Условия были очень тяжелые, теснота страшная – и я ходил в городскую библиотеку, которая помещалась в церкви, там антресоли были. И, поскольку я там был частотный, мне выдали уголок. В этом уголке я всегда занимался. Библиотека была прекрасная, очень хорошие условия для самостоятельной работы. Это привело к тому, что, когда я перешел на IV курс, один преподаватель взял кураторство надо мной, и мне с сентября дали занятия. То есть я на IV курсе уже преподавал, поэтому логично, что после окончания я остался, хотя распределение было жесткое.

На кафедре?

Да, на кафедре, я начал ассистентом. Была такая жесткая установка: преподаватель должен прочитать все разделы курса русского языка. И вот в течение где-то пяти лет до аспирантуры я прочитал все курсы, начиная с фонетики.

Вы начали с фонетики? Это ваш первый курс? Первая дисциплина?

Да. Фонетика. Потом еще введение в языкознание. Представляете? Ассистент! На четвертом курсе!

Конечно, самый тяжелый для меня был курс «Введение в языкознание». По многим причинам. У меня не было теоретической подготовки для необходимых обобщений. Что интересно, я до сих пор даже помню аудиторию... И на первую лекцию ко мне пришел ректор. Представляете – как это? (Он, кстати, был доктор педагогических наук.) И вот я, 23-летний, – и он! Я плохо эту лекцию помню. Единственное – что я все время заикался и неправильно кое-где поставил ударение. Особенно я запомнил, что я говорил *римляне*, а оказывается, это должны быть *римляне*. Но сам факт, когда на первую лекцию пришел ректор, меня очень разочаровал. Потом, когда он меня вызвал к себе в кабинет, и я утонул в кресле, я даже сказал ему, что это непедагогично. Но он меня утешил и вдохновил. И что было интересно в этом педагогическом вузе – очень тесное взаимодействие кафедры литературы и русского языка. С первых дней моей работы я соединял литературу и русский язык – я все время занимался филологией. Не просто русский язык! В то время была грамматическая система обучения, и всегда в эту грамматику я старался включать тексты художественные. Старался показать, для чего, как, почему так написано, как лучше, как правильнее... Особенно интересно все это проходило на практических занятиях: тогда доверяли

и читать лекции, и проводить практические занятия. Будучи уже не ассистентом, а преподавателем, через 4 года, перед первым выпуском, я даже провел проверку – первый анализ, чему я научил своих студентов. Потом, конечно же, понял, что преподавательская работа требует...

Развития?

Да, и она предполагает учительство. Без учительства в жизни ничего не сделаешь, поэтому я, хотя благодарен был тем педагогам, у которых учился, решил поехать в Москву. Отправил документы. Получил приглашение. Кафедра русского языка Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина...

Конкурс был очень серьезный. Заведовал кафедрой Иван Григорьевич Голанов. Работали там очень известные в то время преподаватели. На экзамене требовался обязательный анализ старославянских текстов. Поскольку я имел педагогический опыт и даже преподавал старославянский язык и историческую грамматику, все я сдал на отлично. Оказывается, тогда же поступали несколько человек из Московского университета, причем такие, которые тоже имели опыт, но не прошли. В аспирантуре вначале мне показалось не очень интересно, хотя в то время работали известные лингвисты из Института русского языка Академии наук, но потом меня удивили лекции профессора Лосева. Очень нам повезло, вот мы столкнулись с таким философом, логиком. Он читал нам логику и латинский язык, причем мы ездили к нему домой: его квартира – напротив Театра Вахтангова. Там, на Арбате, сейчас есть даже его бюст – памятник Лосеву.

Тогда же, в аспирантуре, я познакомился с Максимовым, со Шмелевым Дмитрием Николаевичем, с которыми потом у меня всю жизнь были самые дружеские отношения. Мне не очень повезло с руководителем – да простит он меня! – ему было некогда, он сказал: определяйте сами свою тему.

Может быть, в этом смысле вам повезло с научным руководителем?

«Пишите сами, мне очень некогда, я занят». Он занимался в основном Обществом знаний. Выступал, ездил, такой был Устинов, советский профессор Устинов... И я придумал тему, связанную с эллипсисом, с неполнотой простого предложения.

Так это тогда зародилась любовь к синтаксису?

Любовь эта зародилась, когда я преподавал синтаксис, уже на IV курсе, тогда еще в Тюмени, и моя вступительная работа была тоже посвящена синтаксису. Вовремя вот я столкнулся с тем, что, казалось бы, все сказано о неполном предложении. Неинтересная, затасканная тема. В Академии наук в русском языке

систематически выходили труды русского языка. И там была статья Поповой Ирины Александровны из МГУ. Я поехал к ней. Обнаглел и поехал. Она приняла меня у себя дома. Приняла очень хорошо. Ободрила меня. Поддержала. Но как, в каком аспекте ее рассмотреть? Просто назвать «Неполное предложение в современном русском языке» – это очень как-то избитенько. И у меня почему-то зародилась мысль проконсультроваться с самим Виноградовым.

То есть так решительно!

Да! Я поехал на Волхонку. Записался на прием к Виктору Владимировичу. Он меня принял. Представляете? Очень душевно поговорил даже. Вышел ко мне, поздоровался за руку, посадил рядом с собой. Кто вы такой? Расскажите мне. Когда я сказал, что я сибиряк, да из Тюмени, ему это очень понравилось, потому что он в Тобольске провел два нелегких года, у нас нашлись даже общие знакомые, – и он подсказал, как повернуть мою тему в сопоставительном аспекте. В аспирантуре предметов было много, и среди них был чешский язык, который преподавал Павлович, очень известный профессор в то время. Вот у него я прослушал этот курс. Причем на зачете он подарил даже мне свой словарь чешско-русский. Ну и вдруг – опять нас всех подстерегает случай – в 1950-е гг. возобновились обмены студентами, преподавателями, аспирантами, и мне предложили поехать в Прагу. Приехал аспирант из Чехословакии, в обмен с Карловым университетом нужен был русский – и я оказался в 57-м г. в Пражском университете. Очень интересная эта строчка моей жизни.

Прага, Карлов университет, аспирантура, 1959

Чешский период, пражский?

Да, пражский период. Я прослушал интересные курсы у представителей Пражского лингвистического кружка, таких как Гавранек, Горалек, Исаченко... Это дало базу для моей

диссертации. Потом приехал в Москву, надо было где-то продолжать, и я вернулся в Тюмень: там нужен был синтаксист. В Тюмени закончил работу, защитил диссертацию. Меня избрали заведующим кафедрой.

Заведующий кафедрой русского языка Тюменского педагогического института. 1966

У нас была очень интересная кафедра. Ну и однажды – опять случай! Министерство просвещения России имело свой научный центр – научно-исследовательский институт. К нам в Тюмень приехала заместитель директора – специалист по методике, по педагогике: им нужен был филолог, потому что в то время для школ разрабатывались учебники по русскому языку, литературе, по музыке... Такой гуманитарный цикл. Она уехала. Через некоторое время – звонок из министерства нашему ректору: вот мы бы хотели пригласить к нам на работу. Меня вызвал ректор и спросил, как ты думаешь. Я согласился – и так я оказался в Москве и руководил гуманитарным циклом предметов для школы.

Это очень тяжелая была работа. Мы готовили учебники по русскому языку, по литературе. Проходила не просто экспертиза, проходила их прокатка по всей России. И поэтому, будучи ответственным за все эти учебники, я очень много ездил по России. Узнал ее от Камчатки до Калининграда. Сплошные командировки. И после рассмотрения всех этих учебников приходилось их утверждать на коллегиях министерства. Мне приходилось докладывать о состоянии учебников для начальной школы по русскому языку. Я утверждал даже действующий сейчас букварь. Автор его Горещкий, а докладывал об этом букваре на коллегии я, мне пришлось. Я почему об этом говорю, потому что я уже пожил в двух веках. Знаю, что такое министр просвещения. Те, которые в XX в. были, те, кто сейчас министры просвещения... И в то время, когда я работал

в этом министерстве, министром был Данилов. Сам методист, историк, специалист по Средним векам. Очень интересный, образованный человек. Участник войны, фронтовик, 4 года воевал, человек по характеру очень принципиальный, жесткий. Сколько я докладывал учебников по русскому языку, по литературе! Все это стоило мне большого напряжения. Я почти отходил от исследований русского языка... Но однажды, повстречавшись с Леонардом Юрьевичем Максимовым, я упросил его дать мне хотя бы вечерников, и около 5 лет я преподавал у вечерников, причем не только синтаксист. Что характерно: многие выпускники, вот эти вечерники, сейчас стали известными уже преподавателями, исследователями.

Расскажите, пожалуйста!

Онипенко Надежда Александровна. Она у меня училась и сидела всегда на первой парте и мне говорила с ходу: «А вот Галина Александровна Золотова не так считает».

Ну и хотя эта работа в НИИ отвлекала меня от филологии, но она позволила мне узнать очень хорошо нашу школу, нашу литературу. И все время у меня была одна мысль – о единстве этих предметов, об их филологической направленности. Мне очень нравилась мысль, которая была высказана поэтом Давидом Самойловым. Люблю этого поэта, у него мысль есть такая хорошая.

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

Вот этот поэтический подход к слову лег мне на сердце. И вот вся жизнь, которая была у меня после НИИ национальных школ, была посвящена этому протиранию слов.

Вот это протирание слов – это наше ремесло. Я ремесленник фактически. Причем ремесленник, который отдал много высшей школе: у меня огромная армия выпускников, которые, к счастью, еще помнят обо мне.

Армия выпускников, школьных преподавателей, – со многими преподавателями общался, потому что мы систематически проводили конференции, обсуждения наших учебников – всего того, что мы делали в 70–80-е гг., был знаком со многими методистами России. И как-то на одной из конференций я познакомился с представителями ССОДа – это был такой Союз содействия общества дружбы – и узнал, что, оказывается, можно ездить в командировки, преподавать русский язык. Министерство

Юбилей

просвещения назначило меня руководителем, и я в течение примерно восьми лет ездил как руководитель с преподавателями русского языка в Болгарию, Чехословакию, Югославию.

Прага. Посольство в Чехии. С послом. 1986

Особенно повезло мне в Чехословакии, куда в течение пяти лет подряд я приезжал с группой преподавателей, они разъезжались по всей стране, а я потом... На машине «Волга».

С водителем!?

С водителем, да. Ездил и проверял, как они работают. Я очень хорошо узнал страну. Чехов узнал, узнал, что они совершенно типичные немцы. В этих поездках я возродил свои старые знакомства с профессурой, с друзьями, которые у меня оставались. А друзья были очень интересные люди, такие как Мирослав Кубик, Рудольф Зимек из Оломоуца, профессор Лешка – любимый ученик Виноградова...

Профессор Зимек. Прага, 1971

Исаченко уже к тому времени уехал вначале в Австрию, потом его пригласили в Америку... Он там был деканом, преподавал русский язык,

Профессор Олдржих Лешка. Прага, 1986

Профессор Моравец. Прага, 1986

был зав. кафедрой, а потом вернулся домой в Австрию, у них там имение было. И когда Ольга Алексеевна Лаптева ездила на конференцию в Клагенфурт, Австрию, она мне привезла фотографию его надгробия. В 1980-е гг., когда была сложная ситуация, поступила заявка в министерство на директора филиала Института русского языка имени Пушкина – поскольку я имел опыт поездок работы с иностранцами. Конечно же, тут я попросился сам, хотя институт имел своего представителя, но предпочли меня. Почему? Знание языка, опыт работы с иностранцами, и я четыре года там преподавал. Это была интересная работа, конференции по русскому языку и по литературе, причем коллектив был небольшой, но люди были очень грамотные, приехавшие из Советского Союза. Очень интересные люди были, т.е. посвящение

было глубоким, серьезным, несли русское слово, русскую мысль, хотя было очень трудно. Было такое неприятие «русскости», оно оставалось у чехов в связи с событиями 1968 г. Когда же мой срок закончился, мое возвращение уже было в Россию, а не в Советский Союз.

Какой же год, 1990-й?

Это был 1991 год. Поскольку я был хорошо знаком с Виталием Григорьевичем...

Как вы с ним познакомились?

Перед поездкой я заходил к нему. Когда я приехал работать сюда, ездил в командировки, в том числе и на Запад. И вот однажды в Хорватии я познакомился с Женей Осиповой. Она была представителем института, работала там, а мне нужно было ехать, делать пересадку в Будапеште и ехать дальше в Черногорию – и вдруг мы случайно встречаемся. Она говорит: «Чем ты тут занимаешься? Преподаешь русский язык? Давай к нам работать!»

Это в 1972 г., когда я был проректором по научной работе в Научно-исследовательском институте национальных школ. И мне назначил свидание... Виталий Григорьевич Костомаров. В 1972 г. Он произвел на меня очень серьезное впечатление... Я на него – не знаю, какое впечатление произвел, но он предложил мне должность заведующего сектором работы с иностранцами за рубежом. Я спросил: «Сколько, оклад какой?» Он говорит: «120 рублей». А я в том институте, где работал, получал 450 рублей – и я вежливо отказался. И когда я вернулся в 1991 г. из Праги, зашел к Виталию Григорьевичу, он говорит: «А я помню вас». С 1972 г. он меня запомнил и предложил мне должность в сектор связи руководства филиалами. Это было на четвертом этаже, это был научный отдел, которым заведовала Ольга Даниловна Митрофанова. Каждую неделю на один день собирались заседания, очень шумно утверждались планы, обсуждались отчеты, но, конечно, жизнь бурлила шумно и в коридорах. И в коридоре меня замечает Милославская Светлана Кирилловна, мы с ней как-то случайно тоже когда-то познакомились. Она говорит: «Что вы здесь делаете, Борис Иванович?» Я говорю: «Да вот – в секторе руководства филиалами». «Да вы же филолог, пойдите к нам!» И, представляете – она уговорила Ольгу Даниловну Митрофанову, проректора, чтобы я перешел в отдел филологии. Это была очень интересная работа, мы сделали несколько пособий, проверили их... Но пришла реконструкция научного отдела, и Наталья Дмитриевна Бурвикова, проректор по научной работе, перевела меня на кафедру русского языка. Круг замкнулся: я начинал с русского языка. Причем она не просто перевела меня, она меня ровно через год

сделала заведующим кафедрой. Вот с тех пор, с 1992 г., я работаю в институте – уже 25 лет, нет – 28 лет... Вот, пожалуй, все мое ремесло.

Расскажите, пожалуйста, о деканском периоде. Вы же первый декан нашего филологического факультета.

Юрий Евгеньевич Прохоров, будучи заместителем директора по учебной работе, лет 5 или даже больше пробивал идею о том, чтобы сделать институт более насыщенным и логически четким в смысле организации подготовки специалистов по РКИ, чтобы специальность эркаишника получал филолог. И он добился, несмотря на сопротивление многих членов нашего института, тогдашнего открытия бакалавриата. Костомаров и Прохоров решили поставить меня деканом, поскольку у меня был опыт работы.

Борис Иванович Фоминых – первый декан филологического факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. 2001

Пришлось организовывать факультет. Очень трудно было, тяжело. Почему? Потому что институт не был приспособлен к такой учебной работе, работа кафедры должна носить другой характер. Работа деканата особая, но мы создали первый коллектив. Было непросто вначале, очень непросто: организация приемных экзаменов, проведение самих экзаменов, составление планов. Многие кафедры не хотели принимать жесткого требования составления отчетности, но все потом утряслось. Я довел факультет до первого выпуска и остался работать: работал на кафедре, и заведовал кафедрой, и был деканом.

И был первый выпуск...

Подписывается первый диплом выпускника филологического факультета. 2003

Анастасия Александровна Соломонова и Александра Николаевна Матрусова – это первый выпуск?

Нет, они второй.

Борис Иванович, что за история такая интересная, когда вы привезли из Сибири для Никиты Ильича Толстого полынь?

Мне в жизни очень повезло. Везет, когда везет, везет тому, кто везет. (*Смеется.*) Виталий Григорьевич как-то с 72-го г. обратил на меня внимание, и когда он стал председателем, экспертом Совета по филологии в ВАКе, это был 1995 г., он пригласил меня ученым секретарем.

То есть вы являетесь ученым секретарем ВАК с 1995 г.?

С 1995 г. – ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии. Это случай беспрецедентный.

25 лет!

25 лет, да. Конечно, это была для меня тоже школа. В те времена в составе ВАКа были в основном академики большой академии, очень известные литературоведы, фольклористы, лингвисты, сравнительно-историческое языкознание, германисты, угро-финские, тюркский языки – личности выдающиеся, например, Никита Ильич Толстой. Удивительный человек, мы с ним обычно возвращались после ВАКа, и я его провожал по этой улице, по Ордынке, до дому, и вот когда мы шли по Ордынке, с ним все дворники, все проходящие здоровались. Он, оказывается, всем помогал. Ну а обычно после

заседаний мы немножко оставались на чай. Ну что такое чай для мужчин? Это чуть-чуть, по наперстку, ну немножко, выпить для душевного обмена мнениями... Для беседы.

В эти годы, пока я жил в Москве, я потерял отца и сестру, а мама не захотела переезжать в Москву, поэтому я каждое лето, в течение примерно 10 лет, летал в Ялуторовск, это городок, где когда-то жили декабристы. Но что такое Ялуторовск? Это маленький сибирский городок, красивое поле, леса и река Тобол, на которой я вырос. Когда идешь по этому полю, это близко от города, на этом поле много полыни, запах полыни, причем чистейшая полынь! Я с детства собирал эту полынь. Ее сушили, обязательно парились с полынью, мама иногда запаривала ее, делала какие-то припарки, а я – настаивал водку на полыни. Никита Ильич Толстой попробовал однажды, а оказывается, у него был рак и как-то ему это помогало. И вот он мне всегда заказывал привезти бутылку...

Полынной водки?

Полынной водки, да, удивительно! Академик! Повезло мне – такое человеческое общение со многими людьми, и это как-то меня поддерживало, воспитывало – вот это общение с такими большими умами. Что-то приобретаешь, чему-то учишься... Всю жизнь мне везло на такие знакомства – прямо с первого курса, когда я стал работать преподавателем, потом в аспирантуре, потом дальше – в Министерстве просвещения и, конечно, в Чехии тоже было очень много знакомых, которые, кстати, не удивились, когда я приехал директором нашего представительства по русскому языку. Меня хорошо знали в Оломоуце, да и в других городах, Брно. Так что вот такая жизнь...

То есть Чехия – это любовь?

Конечно же! На меня это все произвело впечатление, я хорошо знал ее историю, удивлялся, восхищался, и до сих пор часть моего душевного предрасположения осталась там.

Скажите, синтаксис – это любовь?

Конечно! Причем в первую очередь это общение – с Бабайцевой, общение с Максимовым, с чехами – с Кубиком, который автор «Синтаксиса русского языка», с Зимеком из Оломоуца... Это такие известные синтаксисты! Вот это общение, давшее мне очень много (с Леонардом – особенно), и позволило мне взглянуть по-новому на подходы к синтаксису: и в учебном плане, и в научном плане. Отвергнуть, допустим, структурный подход и утвердиться все-таки в структурно-семантическом подходе. Конечно, сейчас громок коммуникативный подход, но я полагаю, что структурно-семантический обязательно включает в себе коммуникативность. Моя предрасположенность

к синтаксису вызвана еще тем, что я считаю: синтаксис нельзя преподавать без нашей великой русской литературы. Нельзя. Я полагал и думаю, что только тогда студенты будут входить в русский язык, когда они будут понимать текст. Это очень трудно – войти в семантику текста, да еще в ту многозначность, в тот космос русского слова, русского синтаксиса. Это действительно так: русский синтаксис очень своеобразен – не только порядок слов, но и сама сочетаемость, которая неисчерпаема, просто неисчерпаема! Поэтому я всегда видел в синтаксисе что-то новое.

Расскажите о Виталии Григорьевиче Костомарове, с которым Вас связывала многолетняя дружба. Как она начиналась?

Костомаров – явление в русской культуре. Его исследования, которые он проводил в Институте русского языка, академическом, под руководством Виктора Владимировича Виноградова, то, как он организовал потом самостоятельный институт, – это была высокая ответственность, и он с честью справился, потому что его интересы были связаны с культурой русской речи. Вместе с Ожеговым он создавал новые направления исследований культуры речи. Выпуски (по-моему, их 8 выпусков) по культуре речи, которые были подготовлены в 50-е и 60-е годы, являются бесценными. Исследования Костомарова по стилистике и ранние работы и последующие, и его диссертация, посвященная языку газеты, направили этот стиль публицистический. Все исследователи начинают только с него. Это ученый европейского и даже шире – мирового масштаба. Признанный ученый, к тому же обладавший талантом организатора, потому что не каждый решится начать строить такой институт, разработать систему РКИ, которой не было, найти помощников, союзников, создать коллектив единомышленников... В этом

и проявляется, и заключается сила какой-то идеи. Так что спасибо ему и почет.

Мне хочется закончить нашу встречу одним известным стихотворением. Есть такой общественный деятель и очень большой поэт, очень большой писатель, крупная личность – Олжас Сулейменов, казах. Он известен переводами с русского на казахский и стихами, которые он писал только на русском языке, потом, по-моему, переводил на казахский язык. У него есть одно стихотворение, которое звучит как заветное, что такое слово. Вот я начал разговор со слова, потому что вся моя жизнь была отдана слову. Оно без названия – это стихотворение.

Любая влага,
влитая в кувшин,
спешит принять
его литую форму,
а слово,
проникая в глубь души,
ей сообщает
собственную форму.
Тьму искажает образами ночь,
в конях отстали
борзые комони...
Всегда, повсюду –
словом превозмочь
границы ужасающих гармоний.
Так, в мир входя,
мы изменяем мир,
он – оболочка,
мы – его основа,
мой мир,
рябьсь, морщинась,
как эфир,
приобретает очертанье СЛОВА.
Струится дым –
сгорел последний том...
Но вечен знак
над теплым пеплом букв,
над кошмами,
над каменной плитой
изогнутый лекалом мысли русский
ЗВУК.

Сохраняйте этот русский звук. Любите.

Русский язык, русский звук, русский синтаксис – это, по-видимому, совершенно особая вещь – и трудно постижимая, Борис Иванович. И ваша любовь!

Все у вас получится.

Хотел бы сказать, что отмечаю почти 100-летие, без десяти... (*Смеется.*) Не рассчитываю на что-то там, на такое уж колоссальное

22 октября 2015

долголетие, думаю, что все мы встретимся в вечности...

Давайте, как Яблочкова, – пригласите меня на 100-летний юбилей! И мы соберемся как оптимисты.

Я, наверное, приглашу Вас на 95-летие. Вот так вот.

Может, вовсе не старятся души...

А с годами смиришь и смотри.

Убыстряется время снаружи,

Замедляется время внутри.

С Б.И. Фоминых беседовала д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

М.С. Милованова

Иван Григорьевич Голанов (1890–1967) – ученик Д.Н. Ушакова, профессор кафедры русского языка Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (с 1944), заведующий кафедрой, читал курсы по проблемам орфоэпии и орфографии, был одним из авторов программы курса по фонетике и орфоэпии для учителей русского языка из-за рубежа.

Алексей Федорович Лосев (1893–1988) – выдающийся ученый, философ, исследователь античной культуры, переводчик, писатель, профессор Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (с 1944 года).

Богуслав Гавранек (1893–1978) – чешский филолог-богемист, славист и ведущий представитель Пражского лингвистического кружка, профессор Масарикова университета в Брно, позже Карлова университета в Праге. Один из авторов четырехтомного Словаря литературного чешского языка (*Slovník spisovného jazyka českého*, 1958–1971).

Карел Горалек (1908–1992) – чешский и чехословацкий лингвист, литературовед и историк, фольклорист, текстолог, лексикограф, профессор славянского языкознания Карлова университета в Праге, заведующий факультетом славистики (1951–1971), автор Большого русско-чешского словаря (*Velký rusko-český slovník*, 1952–1964 гг. в соавт. с Б. Гавранеком) и Чешско-русского словаря (*Česko-ruský slovník*, 1958 г. в соавт. с Л. Копецким).

Леонард Юрьевич Максимов (1924–1994) – доктор филологических наук, профессор и долгое время заведующий кафедрой русского языка Московского государственного педагогического института, известный лингвист – автор современной классификации русского сложноподчиненного предложения.

Вера Васильевна Бабайцева (1925–2015) – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного педагогического института, известный лингвист, автор школьных и вузовских учебников, специалист в области грамматики русского языка, автор известных монографий «Явления переходности в грамматике русского языка» (2000), «Система односоставных предложений в современном русском языке» (2004).

Рудольф Зимек, Роман Моравец, Олдржих Лешка, Мирослав Кубик – известные лингвисты, представители чешской (чехословацкой) лингвистической школы (1950–80-е гг.).

Александр Васильевич Исаченко (1910–1978) – выдающийся русский лингвист, профессор (университеты Вены, Праги), автор исследований в области истории русского языка, славистики, теории грамматики, методики преподавания русского языка, автор известной монографии «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким» (Братислава, 1954, 1960).

Андрей Иванович Павлович – лингвист-лексикограф, автор известного Чешско-русского словаря (*Česko-ruský slovník*), выдержавшего множество изданий (8-е изд. М.: Русский язык, 1989).

Ольга Алексеевна Лаптева (1931–2020) – лингвист, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, автор известных монографий «Русский разговорный синтаксис» (1976), «Живая русская речь с телеэкрана» (1990), «Речевые возможности текстовой омонимии» (1999), «Жизнь слова» (2009).

Сергей Иванович Ожегов (1900–1964) – выдающийся советский лингвист, лексикограф, один из авторов Толкового словаря русского языка (1935–1940) под редакцией Д. Н. Ушакова и автор Словаря русского языка, выдержавшего множество изданий (1949–1989; с 1992 по 1997 – Толковый словарь русского языка).

Никита Ильич Толстой (1923–1996) – советский и российский лингвист-славист и фольклорист, профессор, член Академии наук СССР, основоположник советской этнолингвистики.